

ВАЛЕРИЙ
ЛОНСКОЙ

ДОРОГА
В ПАРИЖ
ПЬЕСЫ

Валерий Яковлевич Лонской

Дорога в Париж. Пьесы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72638350

ISBN 978-5-91187-327-1

Аннотация

В представляемую читателю книгу Валерия Донского вошли три пьесы: «Дорога в Париж», «Школьный банкет» и «Следователь Молоканов». В них сочетаются вымысел и реальность, но за всем этим чувствуется переживание автора за судьбы своих героев, стремление показать, как в разных жизненных ситуациях может измениться жизнь человека.

Содержание

Дорога в Париж	6
Действующие лица	7
Действие первое	8
Действие второе	40
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Валерий Лонской

Дорога в Париж

© Лонской В. Я., 2018

© ООО «БОСЛЕН», издание на русском языке, оформление, 2018

* * *

**ВАЛЕРИЙ
ЛОНСКОЙ**

ДОРОГА

В ПАРИЖ

ПЬЕСЫ

Москва
БОСЛЕН

Дорога в Париж
абсурдное путешествие
в двух действиях

**Дорога
в Париж**

Действующие лица

Шилов

Седой

Ремезов

Анна

Далее по мере появления:

Соня

Парень в кепке

Мать Шилова, Дежурная в отеле

Маннергейм

Катрин

Иоганн Вольфганг

Димитрос Мефистофолос

Действие происходит в наши дни.

(Пожелание господам артистам: не увлекаться изображением пьяных).

Действие первое

Вечер. В центре комнаты стол, на нем остатки трапезы и несколько бутылок из-под пива и водки.

У стола сидят двое: Шилов и Ремезов. Шилов дремлет, положив руки и голову на стол. Ремезов чистит сушеную рыбу. Метрах в двух от стола на табуретке – вентилятор, струя воздуха от которого время от времени шевелит волосы на потной голове Ремезова. На задней стене – дверной проем, в который видна часть смежной комнаты.

Шилов (поднимая голову). Где мы?.. Куда едем? Зеленоград уже проехали?

Ремезов. Какой, к черту, Зеленоград! Никуда мы не едем. Мы за столом сидим.

Шилов (не соглашается). Это ты сидишь, а я еду!

Ремезов. И все же, мы оба – за столом... Хочешь пива?

Шилов. Когда ты вылез из машины? Предупредил бы!.. Выходит, мы едем без тебя.

Ремезов. Ну, если вы едете, счастливый путь!.. (Наливает ему и себе водки.) Выпьем!

Шилов. Конечно, едем. Чего ты мне мозг брюхатишь? Вон как машину трясет, не чувствуешь? (Поднимает вверх подрагивающую руку.) Когда проезжали Сходню, тормознул нас мент. Давай права! – говорит. Какие права, говорю ему, я не рулю – Седой рулит. Все равно давай права! Ты чего, го-

ворю, мужик, сдурел? Я даже тачку водить не умею. Следовательно, у меня в кармане, кроме трудовой книжки, ничего нет. Я вчера уволился – надоели, твари! Давай, в таком случае, трудовую книжку! – требует ментяра. Настырный оказался! А не пошел бы ты в город Козодоев, говорю ему, хрен моржовый! И Седому: чего глаза вылупил? жми на педали, пока этот боров подмогу не вызвал! Седой по газам – слава богу, оторвались!

Ремезов (*обсасывая ломтик воблы*). Ну, и где вы сейчас?

Шилов. Сам не пойму... (*Оглядывается по сторонам.*) Пейзаж незнакомый... (*Обращается к кому-то в пространство.*) Седой, где мы?

Ремезов. Пока вы с Седым рулили, заходила Соня, искала тебя...

Из темноты появляется Соня, девушка лет двадцати двух.

Соня (*Ремезову*). Не знаешь, где Павел? Не могу его найти...

Ремезов. Был здесь, говорю, да весь вышел... (*К Шилову, усмехаясь.*) Сказал: в Зеленоград поехал!

Соня. В какой еще Зеленоград?! Мы сегодня к Татьяне на свадьбу идем. Он, между прочим, свидетель со стороны жениха! Кроме того, обещал вести стол... Вроде тамады.

Ремезов. Ничего, без тамады обойдетесь. Под телевизор водки попьете, не вы первые!

Соня. Всё! Надоели мне его фокусы! Авантюрист! Пере-

дай ему, чтобы больше мне не звонил! Я выброшу мобильник в мусорную урну или другую сим-карту заведу!

Ремезов (*закрывает уши*). Ой-ой-ой, разбирайтесь друг с другом сами, меня в свои дела не втягивайте!

Соня уходит.

Ремезов (*продолжая рассказ*). Надоел ты ей, Пашка, понял? И твои финты надоели... Между прочим, она мне намекнула, что не прочь перепихнуться со мной.

Соня (*вновь появляясь из темноты*). Чего ты врешь!! Ты не из моего альбома! Фотокарточка не та! (*Исчезает.*)

Ремезов. Но я отказался, сам понимаешь. Не в моих принципах: спать с телками друзей.

Шилов. Про какой Зеленоград ты ей плел? С чего ты решил, что мы туда едем? Это лишь точка на нашем пути. А едем мы за кордон. Меня уже достало местное болото! Мыльные пузыри, «единоросы», общая тупость! Вот Хельсинки – другое дело! (*Вновь кладет голову на стол, вот-вот заснет.*)

Ремезов. Приедешь в Хельсинки, дай телеграмму! Так, мол, и так: бабы фригидные, погода херовая, бабки – на нуле...

В дверях появляется Седой.

Седой (*Ремезову*). У тебя что, нет нормального полотенца? В ванной висит какая-то мерзкая портянка – ею не то что руки, ноги стыдно вытирать!

Ремезов. О, Седой! Откуда ты? (*С иронией.*) А я думал,

ты двинул с Пашкой в Хельсинки!

Седой. У тебя что, от водки перестук в мозгах?

Ремезов. Все вопросы к Пашке. Он сказал, что вы в дороге, уже проехали Зеленоград или что-то в этом роде...

Седой (*задумчиво*). В дороге, говоришь? Может, Пашка и прав... (*Наливает себе пива в стакан.*) А ты чего же не поехал с нами?

Ремезов. Мне и здесь неплохо. А если потребуется финская бабенка или шведка какая-нибудь, я их и тут выловлю!

Седой. Зря! Мир посмотреть, разные веселые страны – всегда полезно! То да сё, текила, бурбон, Ватикан, бульвар Клиши... Если ты, конечно, человек интеллигентный!

Ремезов. Между прочим, поэт Пушкин никогда за границей не был, а как писал! А ты, Хабибуллин, матери письмо в Саратов не можешь написать!..

Седой. Пушкина царь не пускал в Европу. Боялся, что тот выдаст немчуре военные секреты... А то бы Пушкин непременно до Парижа добрался, будь уверен! А там, глядишь, и сочинил что-нибудь зажигательное, вроде «Милого друга» – задолго до чувака Мопассана!.. Я тут сидел у тебя в туалете и думал: почему люди у нас такие злые? Лают друг на друга, точно голодные псы, а добравшись до рычагов власти, запрещают всё подряд. И то нельзя, и это... Власть ругать нельзя, продажному депутату Думы плюнуть в рожу тоже нельзя, прокурору-взяточнику сказать в суде, что он скотина, тоже невозможно!

Ремезов. В моем доме — полная свобода! Пожалуйста, ругай, кого угодно! И власть, если хочешь, ругай!

Седой. Не смей!.. Так ты сказал, что мы с Пашкой в Хельсинки рулим?

Шилов (*просыпаясь*). А? Что? Седой, где мы?

Седой. К финской границе подъезжаем.

Шилов (*возбужденно*). Отлично! (*Оглядывается по сторонам.*) Только не гони! Дай полюбоваться природой! Она почти прекрасна! Гаишник-то, сука, отстал?

Седой. Вроде бы...

Шилов. Есть что-нибудь глотнуть? В горле пересохло...

Седой наливает понемногу водки в два стакана.

Один из них протягивает Шилову.

Тот забирает свой и его стаканы.

Седой. Не понял...

Шилов. Тебе нельзя, ты за рулем! А нам до Хельсинки еще пилить и пилить! (*Сливает водку в один стакан. Пьет.*)

Седой. Ладно, черт с тобой! Но когда остановимся в Хельсинки на ночевку, я свое возьму! (*Ремезову*). Зря ты с нами не поехал!

Ремезов. Мне бы ваши заботы, *туристы*! У меня, между прочим, сегодня важная деловая встреча. Должна прийти Анята.

Седой. Не может быть важной деловой встречи с бабой!

Ремезов. Ты лучше на дорогу смотри, а то зацепишь какой-нибудь «Бентли» — до конца жизни не рассчитаешься!

Седой. Ладно-ладно, пешеходы нам не указ!

Шилов (*обращаясь в темный угол*). Девушка, далеко ли еще до Хельсинки?.. Молчит. (*Объясняет друзьям.*) Она по-русски не шпрехает... Ду ю спик инглиш?.. И не спикает... Хрен с тобой, живи неграмотной! Ориведерчи! (*Седому.*) Дай чего-нибудь пожевать – я проголодался...

Седой. По жратве у нас Колька специалист, попроси у него. (*Кивает в сторону Ремезова.*)

Шилов. Колька остался дома... Неужели у тебя нет никакой жратвы? Хоть чипсы какие-нибудь...

Седой (*находит на одной из тарелок бутерброд с колбасой*). На, это всё, что есть...

Шилов. Пойдет... (*Жадно ест.*) На меня всегда в дороге жор нападает.

Ремезов. Я, между прочим, не подряжался туристов кормить! У меня закуска для гостей предназначена.

Шилов. Я всегда предполагал, что есть в тебе что-то гадкое... Присущее верным ленинцам!

Ремезов. Но-но! Без оскорблений! А то ваша поездка накроется медным тазом! Я вам кислород перекрою!

Шилов. Маньяк!

Входит Анна.

Ремезов. Привет, малышка!

Анна. Привет... (*Огорченно*). Я не поняла...

Ремезов. Ты о чем?

Анна. Ты же сказал, что будешь один. У меня важный раз-

говор...

Ремезов. А я – один.

Анна. А они? *(Кивает в сторону Седого и Шилова.)*

Ремезов. Не бери в голову! Они в дороге. В Хельсинки едут!

Анна *(оглядывает бутылки на столе)*. В какой – дороге? Вы что тут, все упились?

Шилов. А ты что, гаишник? Самое мерзкое, что есть в природе, – это гаишник в юбке! Фу!

Ремезов встает и, раскинув в стороны руки, шагает ровно по прямой, показывая Анне, что он трезв.

Анна. Верю, что ты как раз еще соображаешь... Но вот они... Я не хочу при них вести этот разговор...

Ремезов. Я тебе уже сказал: парни в дороге... Сейчас миновали границу и едут в сторону Хельсинки.

Анна. Ты меня принимаешь за идиотку?

Ремезов. Ни в коем случае!

Седой. Слушай, подруга, как там тебя? Анна? Тебе же сказали, нас здесь нет, мы в пути, едем по автострате.

Анна *(в растерянности)*. Я, к сожалению, не посмотрела на вывеску при входе... Вероятно, здесь психушка.

Ремезов. Да ладно, брось! Эти туристы нам не помеха...

Анна. Давай хотя бы перейдем в другую комнату. Я не могу при посторонних вести серьезные разговоры...

Ремезов. У меня там не убрано, бардак! Книги на полу, шмотки – не повернешься. Должна прийти тетя Маша, чтоб

уборку сделать. Давай, отложим разговор до другого раза, если он такой серьезный? Чтобы безо всяких...

Анна. Нет уж, я решила – сегодня... Иначе ты найдешь повод и куда-нибудь сбежишь. В очередную командировку! *(Садится возле Ремезова на свободный стул. Брезгливо оглядывает шелуху от воблы на столе, пустые бутылки.)*

Ремезов *(перехватывает ее взгляд)*. Брось! Это всё частности – стол, бутылки. Этого нет, только видимость... Кальдерон сказал: жизнь – есть сон! *(Пытается обнять Анну.)*

Анна. Ну-ну-ну! Может, ты мне еще предложишь и в постель лечь при посторонних? *(Кивает на Седого и Шилов.)* Веди себя прилично!

Ремезов. Аня, они – дым, туман, их нет, это только фантомы... Они давно в дороге.

Седой. Это правда. Нас нет, мы – фантомы...

Анна в растерянности, происходящее ей не нравится.

Анна *(Ремезову)*. Надеюсь, меня здесь не изнасилюют?

Ремезов. Бог с тобой, детка! Это приличные люди, мои приятели. А потом, я сказал тебе, их здесь нет. Это только их образы! Сами-то они уже к Хельсинки подъезжают...

И будто в подтверждение его слов из темноты появляется парень в светлой куртке и клетчатой кепке, надвинутой на глаза. Он поднимает руку, словно пытается остановить едущую мимо машину.

Шилов *(парню)*. Слышь, ты, финн, далеко ли до Хельсинки?

Седой (*Шилову*). Он не понимает по-русски?..

Шилов. Ду ю спик англиш?

Парень в кепке. Спик, спик... Ребята, я – русский, из Можайска. Только застрял здесь по недоразумению...

Шилов (*обрадованно*). О, привет, брателло!

Парень в кепке. С полгода мне еще здесь париться... А меня тоска по родным закоулкам замучала! Березки, щи, картошка с салом... Прямо слезы из глаз! Вся эта Европа – полная фигня по сравнению с Россией!

Седой. Ты прав, прав, брателло! Сразу видно: наша кость!

Шилов (*пьяно шмыгнув носом*). А чего тебе мучиться?.. Бросай всё к черту, залезай к нам в тачку, мы отвезем тебя в родные пенаты. Только сперва в Париж заедем.

Парень в кепке. Не могу! Отрабатываю карточный долг, я – человек слова. К тому же одну телку надо из говна вытащить, попала здесь по глупости в неприятную историю. Жалко мне ее – достойная коза. Но дурра-дуррой в житейских вопросах!

Шилов. Бла-а-родно! (*Вновь шмыгнул носом, роняя пьяную слезу, его тронуло благородство парня в кепке.*) Дай обниму тебя, земляк!

Парень в кепке. Не вылезай из машины, береги себя!.. Кстати, мужики, коли у нас так сложилось... Хотите, я вам могилу Гамлета покажу? Обычно вся экскурсия – триста евроков стоит, а я вам по блату – за сто! (*Расхваливает то, что можно увидеть.*) Там чудесное место... Могила на хол-

ме. Дубовый лес рядом. На могильной плите – меч и герб. Поблизости старинный замок...

Седой (*непонимающе*). Ты про какого Гамлета?

Парень в кепке. Про того самого, про которого Шекспир написал. Сто евро – это почти бесплатно! Мужики!

Шилов. Ты про принца Датского говоришь?

Парень в кепке. Про него, про него. А про какого же еще?

Шилов. Не понял! Он же – принц... датский?

Парень в кепке (*занервничал*). Ну, датский.

Шилов. А если он датский, то и могила его в Дании!

Парень в кепке (*чувствуя, что дело не выгорает*). Вот уж не обязательно! Чехов, к примеру, родился в Таганроге, жил в Москве, а умер в Баден-Бадене или где-то в тех краях...

Седой. Но могила-то его в России! Шило! Он держит нас за лохов! Хочет на бабки развести!

Шилов (*парню в кепке*). Какая же ты – сука! О телке, попавшей в беду, целую поэму сложил! Я даже слезу пустил: какой благородный маэстро, думаю. Лучше бы ты просто так бабки попросил, мы тебе с Седым кое-что отстегнули бы! А то: могила Гамлета, на плите – меч с гербом! Пошел прочь, козлиная шкура, пока я тебе синеву под глазом не нарисовал!

Парень в кепке. Ну и зря! Гамлет здесь похоронен! Здесь! Вот вам крест! (*Крестится.*) Потом жалеть будете, что не увидели его могилу!

Шилов (*приподнимаясь со стула*). Вали отсюда!

Парень в кепке скрывается в темноте. Потрясенная Анна всё происходящее наблюдала с открытым ртом. Поднялась со стула, и вновь села на него, пытаясь осмыслить увиденное.

Шилов (*Седому*). Давай остановимся на пару минут, мне отлить надо... Он меня расстроил до глубин души, этот кидала! (*Встает и уходит в сторону туалета.*)

Седой. Аферюг развелось, как тараканов, — плюнуть негде! А наши — самые бесстыдные! Уже в Европе промышляют, сучьи дети!

Анна берет Ремезова за руку и уводит его в другую комнату, где в проем двери видна тахта. Оба садятся на нее.

Анна. Ничего не понимаю...

Ремезов. И не надо понимать. Ребята по Европе путешествуют... Я тебе сказал, мы одни. Говори, о чем хотела.

Анна трогает пальцем лоб, смотрит на Ремезова. Тот поднимает с пола книгу, механически стирает пыль с обложки.

Анна (*вполголоса, решив не обращать внимания на Седого, который виден ей через дверь*). Коля, я залетела... Уже пять недель...

Ремезов (*думая о чем-то своем*). Куда залетела? Ты о чем?

Анна. Не прикидывайся дурачком!

Ремезов. Так о чем ты?

Анна. Я была у врача.

Ремезов. Ну?

Анна. Я беременна...

Ремезов (*наконец сообразил, в чем дело*). Вот оно что. От кого?

Анна. От тебя, дурак!

Ремезов. От меня?!

Анна (*обиженно*). Если я встречаюсь с человеком, то с ним одним, и ни с кем больше!..

Ремезов. Что ж ты так неосторожно... Надо было предохраняться.

Анна. Мне?! Боже мой, и зачем я связалась с тобой!

Ремезов. Ладно, не гони цунами! Обойдемся без драм. Слава богу, медицина нынче на высоте... Сделаешь аборт.

Анна. Не буду я делать аборт... Придется тебе стать отцом.

Ремезов. Посмотри на меня – какой я, к черту, отец?.. Да и тебе сейчас зачем эти проблемы: памперсы, пеленки, бессонные ночи? Хочешь перечеркнуть свою молодость? Глупо!

Анна. Не собираюсь я ничего перечеркивать!

Ремезов. Тогда избавься от ребенка! Сделай для него доброе дело. Если бы он знал, в каком мраке ему придется жить, сам бы попросил тебя об этом. Поверь мне! Может быть, потом, когда-нибудь, когда этот гребаный мир станет лучше, он найдет здесь радость... Пока же лучше оставить его душу там, по ту сторону бытия, где она пребыва-

ет сейчас. Если бы мои родители в подобном случае могли бы обратиться ко мне и спросить: желаю ли я идти в эту мясорубку? — я ответил бы: нет, не желаю, лучше я посижу пока в предбаннике — до наступления более веселых времен! Но, увы, меня никто об этом не спрашивал. И вот теперь мне приходится постоянно вкушать людские мерзости и пошлость!

Анна. Ты пьян! Я предвидела, что ты станешь говорить мне, узнав о моей беременности... Но знай, аборт я делать не буду!

Появляется Шилов, садится за стол.

Шилов (*Седому*). Ну, что? Как у нас с горячим?

Седой (*посмотрев, есть ли водка в бутылке*). Горючее пока есть.

Шилов. Тогда поехали, чего стоим?

Седой (*поглядывая по сторонам*). Хороший город — Хельсинки. Большой! Я думал, он значительно меньше. Европейские, так сказать, задворки. Аппендикс!.. А тут — всё в наилучшем виде!

Шилов (*вдруг что-то увидел*). Притормози! Здесь, у бульвара! (*Срывается со стула, бросается к немолодой женщине, сидящей на скамейке*). Мать, это ты?

Мать. Я, Паша, я...

Шилов (*потрясенно*). Как это возможно? Ты же на Востряковском кладбище лежишь... Каким же образом ты здесь?

Мать. Вот, оказалась...

Шилов (*возбужденно*). Что же выходит? Я страдаю, переживаю по поводу ее смерти, а она тут – в Хельсинки! На бульваре сидит, как ни в чем не бывало! Только букета ромашек в руке не хватает для полноты картины! Тебе не стыдно?! Собирайся, поедешь со мной!

Мать. Я не могу, Паша. Теперь это мой мир. Ты – в прошлом, и я о тебе всегда помню. Но мое место теперь здесь.

Шилов. Бог ты мой! (*Трогает ее за руки*). Но ты же не бесплотная тень, я вижу. И руки у тебя теплые!

Мать. Это в тебе прежние ощущения говорят...

Шилов. Вот, блин! Если бы мы не поехали через Хельсинки, я бы тебя не встретил!

Мать (*соглашаясь с ним*). Не встретил...

Шилов (*нервно*). Но почему все-таки Хельсинки?! Седой, ты помнишь мою мать?

Седой. Конечно, помню... (*Кивает матери.*) Здравсьте, Варвара Петровна!

Мать. Здравствуй, Андрей... Вы, я вижу, опять выпиваете... Вы уже взрослые люди, пора обходиться без этого... Паша, дай мне слово, что не будешь пить!

Шилов. Да разве мы пьем? Так, баловство одно... Пробуем понемножку, чтобы вкус водки не забыть... Как я рад, что тебя встретил! Хочешь, я буду приезжать в Хельсинки каждый год, чтобы встречаться с тобой?

Мать. Это бессмысленно. Я не знаю, где буду в следующий раз...

Шилов. Мать, прости меня! Прости! За детские глупости, за дурные поступки. За то, что помешал тебе выйти замуж за Тимофея... как его?.. Степаныча. За то, что подглядывал за вами, когда вы ложились в постель... Ты могла быть счастлива с ним, и тогда, быть может, дольше прожила бы... Прости за то, что бывал с тобою груб... За то, что забывал о тебе на долгие недели. За все прости! Я мучился все это время, что не успел сказать тебе хороших слов при жизни... *(Закрывает лицо рукой, глухо стонет, а когда открывает его, матери уже нет рядом).* Где она? *(Смотрит на Седого).* Где мать?

Седой *(пожимает плечами).* Ушла, видимо... Я не подглядывал за вами...

Шилов. Что же ты, пес гималайский! Я не успел еще много ей сказать... Ах ты, боже мой! *(Всхлипывает.)*

Седой. Ты сказал достаточно, больше и не надо...

Шилов. Тебе-то откуда знать, сколько надо?

Седой. Зачем сейчас, после ее смерти, распинаться перед нею? Желаеть отпущения грехов? *(Жестко.)* Не получишь! Поп какой-нибудь тебе их отпустит, но не Он! *(Указывает пальцем в потолок.)*

Анна и Ремезов все это время внимательно наблюдали за происходящим. Анна – с печалью, Ремезов – со скептической гримасой: дескать, рассиропился, слабак!

Анна *(жалея Шилова).* Если хочешь, я могу стать твоей... приемной матерью! На время, конечно... И ты смо-

жешь исповедоваться, и, тем самым, снимешь свою боль.

Шилов (*строго, точно увидел Анну впервые*). Ты кто такая?

Анна. Девушка.

Шилов. Вижу, что не зебра! Здесь-то что делаешь?

Ремезов (*поясняет*). Это моя подруга... Анна... Пришла ко мне по делу.

Шилов (*грубо*). Вот и занимайтесь делом! Идите за стенку и пилитесь там!.. Мне еще только не хватало, чтобы какая-то неизвестная чува изображала мою мать! (*Анне*). Ты хоть понимаешь, что сказала?

Анна (*с достоинством*). Понимаю... Я сама скоро стану матерью, и готова помочь тебе... снять камень с души. Я вижу, тебе плохо.

Шилов (*неожиданно смягчился от слов Анны*). Ах, ты, радость моя краснощекая! Иди, я тебя поцелую!

Ремезов (*возбуждись*). Вот только без этого! (*Шилову строго*.) Не тобою пригрета, и не тебе ее ласкать!

Шилов (*размягченно*). То, что матерью станешь, это хорошо... Это замечательно, я тебе скажу...

Ремезов. Насчет материнства девушка погорячилась!

Анна. Не тебе решать.

Седой (*Шилову*). Старый! А чего стоим? Пора ехать, путь не близкий...

Шилов оглядывается в надежде еще раз увидеть мать, но ее нигде нет. В стороне на табурете монотонно гудит

вентилятор.

Шилов. Поехали! (*Садится на стул возле Седова. Бросает взгляд на Анну.*) Может, и краснощекую с собой возьмем?

Седой. Оставь ее, пусть рожает... Не следует каждую юбку за собой тащить!

Ремезов. Что значит: пусть рожает? Сам рожай, если желаешь! Мне только сраных пеленок в доме не хватало!... А вы в пути, верно? Вот и дуйте по маршруту!

Шилов (*задумчиво*). Надо же, мать свою встретил... А при этом она там – на кладбище... Скажи, как такое может быть?

Седой. Всякое бывает. Мы слишком мало знаем о нашем мире. И знания эти ничтожны – подобны капле влаги на дне стакана... Не удивлюсь, если в результате дальнейшего хода вещей выяснится, что ты, Шило, к примеру... микроб с далекой планеты Дурь. Или реанимированный гусар из прошлой жизни, которому в пьяной драке пробили башку бутылкой из-под вина...

Шилов. Невежа! Гусары стрелялись на пистолетах, а не дубасили друг друга стеклотарой... Что же касается микроба с планеты Дурь, то скажу так: возможно и такое. Я иногда, веришь, чувствую внутри себя какую-то инородную дрянь, которая, если не влить ей водки, пожрет меня, как воронье подошедшую собаку...

Некоторое время молчат.

Седой (*Шилову*). Может, повернем обратно?

Шилов. Не-ет. Мне нравится путевая жизнь. Надоело сидеть в клетке. По выделенным полосам ходить. Туда нельзя, сюда нельзя... А тут – иная публика, ворох впечатлений, воздух свободы... Мне в Париже с одной интересной женщиной надо встретиться – из наших, бывших... А ты чего решил поехать?

Седой. Как, чего? С тобой за компанию...

Шилов. А если я с моста в Сену брошусь, ты тоже – за компанию?..

Седой. Ты не бросишься... *(Смотрит куда-то в сторону.)* Смотри, вон приличный отель, можем остановиться там на ночь. Три звезды – нам по карману... Как?

Шилов. И верно, пора отдохнуть. Тормози!

Оба встают, идут в сторону левой кулисы, где из темноты перед ними возникает стойка рецепции.

Седой. Поговори ты насчет номера. А то я в английском – не Копенгаген... Кое-как калякаю на бытовом уровне...

Шилов *(с чувством превосходства)*. Надо было в студенческие годы язык учить, а не с потаскушками по ночам резвиться.

Седой. Какие, к черту, потаскушки! Я в баскетбол на разных турнирах за институт играл... Полезное дело делал!

Шилов. Где ж твои призы, олимпийские награды?

Седой. Увы! Однажды я серьезно повредил ногу. А когда восстановился, прыгучесть уже была не та. Если б не нога, я б и нынче высоко летал!

Шилов. Если бы, да кабы... *(Полушепотом.)* Поговори с дежурной сам, ты бабам нравишься... Клёвая финка!.. Хотя в постели, наверняка, как полудохлая рыба!..

Седой. Я же сказал: английский – не моя стихия...

Шилов. А ты привыкай общаться. Это же просто: плиз, май бэби, ай вон ту слип, давай перепихнемся! И всё в таком духе.

Седой *(обращается к дежурной, которая приготовилась его выслушать)*. Плиз...

Дежурная *(улыбаясь)*. Иес?

Седой *(мнется)*. Плиз...

Дежурная. Лисен ту ю.

Шилов *(подключается)*. Уи вонт тейкс уан рум... Как это... *(Щелкает пальцами, пытаясь подобрать нужное слово.)* Блин!

Дежурная *(переходя на русский язык)*. Вы русские?

Седой *(обрадованно)*. Я, я, русские!

Шилов *(девушке)*. Только не говорите мне, что вы тоже из России!

Дежурная *(говорит по-русски с легким приятным акцентом)*. Нет. Я из Эстонии. Город Тарту. Работаю здесь по контракту...

Седой. О, Тарту! Город любви! Цветы, девушки!

Шилов *(Седому, вполголоса)*. Чего ты заливаешь?! Ты же никогда в Тарту не был...

Седой *(дежурной)*. У меня старшая сестра – эстонка!

Шилов. Ну, ты вообще! Откуда у тебя, русского, сестра – эстонка?

Седой (*также вполголоса*). Не знаю... Сводная... Зато я пил эстонскую водку... Лабуда, скажу тебе по секрету!

Шилов. Мадам! Нам нужен номер. На одну ночь.

Дежурная. Один?

Шилов. Один... (*Ему кажется, что Дежурная посмотрела на него и Седого многозначительно*). Да-да, мы – геи! И дети наши – геи! И внуки – геи! Свободу узникам апартеида! Да здравствует Фидель!

Дежурная (*смеется*). Кто такой Фидель?

Шилов. Какая разница! Фидель – он и есть Фидель!

Седой. Девушка, он врет!.. В целях экономии валюты... мы вынуждены взять один номер на двоих.

Дежурная что-то записывает в своих бумагах, дает Седому ключ от номера.

Дежурная. Второй этаж, номер сто один. Окна, правда, во двор, но номер хороший...

Шилов и Седой возвращаются на свои стулья.

Шилов (*оглядываясь по сторонам*). Действительно, приличный номер...

Седой (*принюхиваясь*). Не чувствую запаха свободы!.. Мы в Хельсинки или в Мухосранске?

Шилов. В Хельсинки, в Хельсинки! Все зависит от тебя. Хочешь быть свободным, будь им!

Седой. Как?

Шилов. Ну, я не знаю... Помочись, к примеру, в ванной на пол...

Седой. Ты чего?!

Шилов. А что?

Седой. Скажут, что у меня поехала крыша.

Шилов. Не волнуйся! У человечества давно крыша поехала! Поэтому можешь смело мочиться на пол! Если, конечно, хочешь быть свободным.

Седой. Ты как-то странно понимаешь свободу...

Из второй комнаты выходят Ремезов и Анна.

Ремезов. Эй, вы, путешественники! Не вздумайте мочиться у меня в ванной! Тетя Маша устроит скандал, а она меня держит за приличного человека. Пользуйтесь нормально туалетом.

Шилов (*обращаясь к Седому*). Это кто такой? (*Кивает на Ремезова*).

Седой. Не знаю. Посыльный, наверное. Хочет узнать, не надо ли нам чего в номер.

Шилов (*невозмутимо*). Закажи ему бутылку водки!

Ремезов. Какой, к черту, посыльный?! Совсем обнаглели! Вы у меня в доме, маргиналы!

Шилов. Брось, мужик! Мы в Хельсинки! Не путай! Тащи лучше бутылку водки!

Анна (*Ремезову*). Оставь их. Может, они и вправду в Хельсинки.

Ремезов. А тебе пора, иди домой! И подумай серьезно

о том, что я тебе сказал. Ни к чему тебе сосунка заводить!
Иди!

Шилов. Что ж ты ее, гусь, на мороз гонишь? Не гуманно!

Ремезов. Какой, к черту, мороз?! На улице двадцать четыре градуса тепла!

Шилов. Это я – иносказательно... Вижу, что ты толкаешь ее в ледяную прорубь... (*Анне.*) Дорогуша, бросай этого матроса, пока он не утопил тебя в ближайших водах! Догоняй нас. И поедешь с нами в Париж! Места в тачке хватит!

Анна (*усмехнувшись*). Как же вы собираетесь добраться до Парижа, если вы уткнулись в море? Дальше дороги нет.

Седой (*задумавшись*). Да, действительно. Хельсинки – на берегу Финского залива... Знаешь географию, в отличие от многих неучей?

Шилов (*его ничто не смущает*). А мы по морю – в Польшу. На пароме или пароходе. Ну и далее – в Германию... Или сразу в Берлин на самолете! А ты как думала? Только так!

Анна. А чего мне думать? Я здесь, с Николаем...

Ремезов. Тебе было сказано: иди домой!

Анна. Грубо!

Шилов (*Анне*). Ну, как знаешь, девочка!

Анна что-то шепчет Ремезову, увлекает его в другую комнату. Шилов оглядывает стол, находит полбутылки водки, наливает себе и Седому.

Шилов. Пей! Ты же хотел? Теперь мы устроились на ночлег, значит, можно. Отдыхай, водила! (*Выпивает*).

Седой. Я и отдыхаю... *(Выпивает свою порцию.)*

Шилов *(задумчиво)*. Счастливый ты, Седой...

Седой. Почему?

Шилов *(размягченно)*. У тебя мать жива... А я свою проморгал... Да-да! А теперь вот... *(Не договаривает.)* А отец, отец у тебя есть?

Седой. Где-то болтается на просторах родины чудесной. Он нас бросил, когда мне пяти еще не было. Меня отчим вырастил.

Шилов. А я своего папашу совсем не знаю. Даже фотокарточки его нет. Мать о нем никогда не рассказывала. Держала на него обиду, так я думаю. Мне даже имя его неизвестно...

Седой. А отчество? Оно же у тебя есть...

Шилов. Отчество есть. Это было просто. Мать заглянула как-то в газету, а там всё про Брежнева: слева – дорогой Леонид Ильич! справа – дорогой Леонид Ильич! Так я стал Леонидовичем...

Седой. Жениться тебе надо, Шилов...

Шилов. Это мы уже проходили!

Седой. То, что было, не считается! Надо – по новой. Чтоб дети, то да сё... По-серьезному.

Шилов. Я для семейных утех человек мало приспособленный. Повалиться с бабой в койке – это еще можно! А вот петлю на шею – это, мужики, без меня! Не просто найти такую, чтоб могла с тобою па-де-де... И понять, что к чему у

тебя в душе, и что там кроется в ее недрах...

Седой (*усмехнувшись*). А там – микроб с планеты Дурь!

Шилов. Может, и так... А твой папаша чем занимается?

Седой. Не знаю. Водку, наверное, пьет. Пенсионер. Раньше он был пескоструйщиком...

Шилов. Это что еще за хреновина?

Седой. Пескоструйщик? Ну, знаешь... Он такой резиновой кишкой, откуда идет под давлением воздух, чистит стены домов.

Шилов. Так он почти герой соцтруда, твой папаша! Можно сказать, с шашкой на переднем крае! Выпьем, Седой, за рабочий класс, будь он неладен! (*Наливает в стаканы.*)

Седой. Старый, ты чего-то раздухарился! Сбавь обороты! *Подходит к телевизору. Включает его. Погоняв каналы, останавливается на одном из них, где идет какое-то музыкальное шоу.*

Седой. Смотри, классные телки! (*Включает звук на полную мощность.*)

Шилов подходит к нему. Смотрит на экран.

Шилов (*без энтузиазма*). Нормальные телки, ничего особенного.

Выпивают. Грохочет музыка. Через некоторое время раздается стук в дверь.

Седой. Интересно, кто это? Ночь на дворе!

Шилов. Может, посыльный? Принес заказанную водку? *Из другой комнаты раздается голос Ремезова: «Разбежа-*

лись! Хрен вам, а не водку!»

Шилов (*Седому*). Иди, открой.

Седой идет к двери. Открывает ее. На пороге стоит старый седой человек благообразного вида, с усами. Это Маннергейм. На нем шелковый халат, подпоясанный крученым поясом с кистями. На лице – очки с маленькими стеклами.

Маннергейм (*сдержанно и сухо*). Доброй ночи, господа! Должен вас побеспокоить...

Шилов. В чем дело?

Маннергейм. У вас так громко играет музыка, спать невозможно. Посмотрите на часы: третий час! Вы в отеле не одни. Здесь еще есть постояльцы.

Шилов. А ты кто такой, папаша? Турист? Вижу, говоришь по-русски, а физиономия у тебя не наша – старорежимная, я бы сказал!

Маннергейм. Мое имя – Густав Маннергейм.

Седой. Это что еще за рыба? Какой Маннергейм?

Маннергейм (*с достоинством*). Маршал...

Шилов (*почесав лоб*). Постой-постой... (*Седому*.) Уж не тот ли Маннергейм, который зафигачил в свое время на границе Финляндии мощную оборону в три линии? Она, кажется, так и называлась: «линия Маннергейма». Об эту «линию» в сороковом году доблестная Красная армия обломала зубы... (*К Маннергейму*.) Прав я? Было дело?

Маннергейм. Вы абсолютно правы.

Шилов. Ну вот! (*Седому*.) Эх ты, неуч! Историю надо

знать! У меня, между прочим, пятерка по истории была! Еще кое-что помню. Не всё из башки выветрилось... Значит, вы, папаша, Маннергейм?

Маннергейм. Прошу, убавьте музыку! У моей супруги мигрень. В последнее время ее часто одолевают мигрени...

Шилов. Нет проблем! *(Седому.)* Выруби музыку.

Седой берет пульт, выключает телевизор.

Маннергейм. Благодарствую.

Шилов *(словно очнувшись)*. Позвольте, позвольте... Но вы, папаша, насколько я понимаю, некоторым образом умерли... Причем давно!

Седой *(Шилову)*. Может, это местный артист, работает, так сказать, под маршала? Ходит по номерам, развлекает туристов, пытаюсь заработать. А?

Маннергейм. Нет-нет, господа! Я не артист, а именно тот, кем представился. Маршал Маннергейм.

Шилов. Как это возможно? Насколько мне известно, здесь, в Хельсинки, на кладбище у вас, папаша, шикарная могила, мрамор и все такое... Цветы, почет!

Маннергейм. В том мире, где я нахожусь сейчас, одно другому не мешает... Завершив земную жизнь, человек переходит в иное измерение.

Шилов. Не понял! Вы – в другом измерении, а я – в том же, в каком и был. Как же мы, в таком случае, встретились?

Седой *(Шилову)*. Я же тебе говорил: мир познан лишь на самую малость.

Шилов. И все же! Сегодня я встретил мать, теперь вот маршал... Что происходит, кто мне ответит?

Маннергейм. Есть вопросы, на которые нет ответа. В этом случае надо принимать все, как есть.

Шилов *(скорбно)*. Наверное, у меня «белочка»...

Маннергейм *(оглядывает номер)*. Какая белочка? Вы держите в номере грызунов? Это нечистоплотно!

Седой *(объясняет Маннергейму)*. Он имеет в виду белую горячку на почве пьянства...

Шилов *(решив проверить свои ощущения)*. Седой, ты видишь маршала?

Седой. Вижу.

Шилов. У него усы, старорежимный вид... Халат... Это так?

Седой. Так.

Шилов. Значит, «белочки» у меня нет. Или она у нас обоих... Присядьте, папаша, в ногах правды нет. *(Подставляет стул.)*

Маннергейм. Благодарю. *(После некоторого раздумья садится.)*

Шилов. Послушайте, уважаемый! Вот вы финн или даже швед... и так удачно говорите по-русски?

Маннергейм. Я тридцать лет состоял на службе в русской армии. Служил при двух государях императорах – Александре Третьем и его сыне Николае, царство небесное обоим! Россия – моя родина... Когда в семнадцатом случил-

ся переворот и все рухнуло, я поселился в Финляндии в своем имении. За добросовестную службу имею немало русских наград: орден Святой Анны третьей степени, орден Святого Владимира третьей степени, Святого Станислава первой степени...

Шилов (*Седому*). Вот где восторг, мои мученья! Папаша-то – герой, орденоносец!

Седой (*склоняя голову*). Примите наше почтение, ваше высокопревосходительство!

Шилов (*расчувствовавшись*). А может, по стопочке, господин маршал? По чуть-чуть! Раз такое дело, раз встретились два мира, два Шапиро...

Маннергейм (*втягивает носом воздух*). Что это? Водка?

Седой (*подтверждает*). Водка.

Маннергейм. Странное дело: в моем нынешнем положении почему-то острее стал нюх... Напитки, цветы, лошадиный пот и прочие запахи.

Шилов. Так как, начет стопки? За встречу на далеком меридиане!

Маннергейм (*не хочет обижать Шилова откровенным отказом*). Не уверен... Возможно, как-нибудь в другой раз.

Шилов (*убежденно*). Раз маршал, то должен быть *уверен*!

Маннергейм. К сожалению, нет, господа, не могу... Ждет супруга.

Шилов. Странно! Общеизвестно, что финны хлещут водку ведрами!

Маннергейм. Разве? Это легенда, миф. Пьют, конечно, но не больше, чем русские или шведы.

Шилов (*философски, предварительно выпив*). Вот вы, папаша, – человек, судя по заслугам, бывалый... у финского руля долгое время находились... Меня вот мучает вопрос: зачем человек так жаждет власти? Иного прямо дрожь бьет, как в лихорадке! А цель? Других подавлять? Заставлять их выполнять свою волю? Неужто так сладко – этот чирей расчесывать? И я спрашиваю себя: а стоит ли человека подавлять, лишать воли? Опять же, есть законы, суды... Если плох человек, замазался в подлом деле, суди его... Но подминать под себя всякого, кто иной ход мысли имеет, – не бла-а-родно!

Маннергейм. Я не стремился подминать под себя *всякого*, как вы сказали... Но вот с бунтарями бороться приходилось, как же без этого? Анархия – большое зло! Что же касается власти... Власть – как девушка на выданье, выбирает в женихи не всякого. Но и избранный ею не всегда оправдывает ее выбор. Вот в чем фокус! Впрочем, я не Господь бог, чтобы знать все ответы... (*Встает.*) Прошу прощения, господа, мне пора. Еще раз: не увлекайтесь музыкой!

Шилов (*пьяно*). А может, все-таки по чуть-чуть? Раз вы в другом измерении? А? Маршал! (*Протягивает стакан.*) Чтобы понять, зачем я здесь, зачем вы здесь, и зачем всё мы вместе?

Маннергейм (*борясь с искушением*). Нет-нет.

Шилов. Тогда давай споем, папаша, не хочется так быстро расставаться! Все ж мы, можно сказать, соотечественники... *(Приобняв Маннергейма за плечи, вполголоса запекает.)* «Родина слышит, родина знает, что ее сын в облаках пролетает!...»

Маннергейм *(деликатно отстраняется)*. Прошу извинить меня... Я сегодня не в голосе. Разрешите откланяться! *(Уходит.)*

Шилов. Жаль, ушел маршал... Боевой старик! Хоть и при царях, но за Россию отличился. Уважаю бывших героев!.. Не понимаю, чего про него в учебниках по истории всякую херню понаписали...

Седой. Мне показалось, он – завязавший алкаш...

Шилов. Алкаш! – ну ты скажешь. Солидный мужчина, не нам чета! Вот ты – алкаш, это точно!

Седой. Между прочим, солидные люди тоже бывают алкашами! Химик Менделеев, к примеру, алкашом был! А выглядел – будь здоров, борода лопатой, глаз горит, серьезный, точно Господь бог!.. *(С подозрением.)* Слушай, а зачем он к нам приходил, маршал?

Шилов *(пожимая плечами)*. Не знаю... Просто так, познакомиться...

Ремезов *(подает голос из своей комнаты)*. Как, зачем? Ну, вы даете, туристы! Чтоб вы музыку вырубили. Не знаю, как у маршала, у меня до сих пор гудит в ушах!

Седой. Музыку, говоришь? Не-ет, музыка – это предлог.

Он что-то вынюхивал, ему что-то надо было...

Шилов. Что он мог здесь вынюхивать? Только твои несвежие носки... Слушай, Седой, тебя, случаем, фээсбешники не прикармливали, раз ты такой подозрительный? Неужто мы с Ремезом жабу на груди пригрели?

Седой (*не слушая его*). Он точно что-то вынюхивал!.. Если он в другом измерении, то думаешь, не сможет пакость сотворить? Сможет! И ему за это ничего не будет!

Шилов. Как это, не будет? У него теперь Бог в начальниках! А это покруче кого бы то ни было!.. Да и не похож он на сволочь... Свой, пушистый!.. (*Раздумчиво.*) Может, он имел мысль, провести с нами душеспасительную беседу, чтобы впоследствии мы с тобой покаяться?

Седой. Покаяться? В чем?

Шилов. Ну, мало ли... За предков наших, к примеру. За то, что они в тридцать девятом войну против финнов развязали. И народу тогда положили немало! С обеих сторон!.. А что? Скажи, Седой, можешь ты покаяться? Или как?

Седой (*скривившись*). Или как! С какого такого бодуна я должен каяться за чужие грехи?! Кто грешил, тот пусть и кается! Я за прошлую власть отвечать не желаю!

Шилов (*с иронией*). Ну, а если твоя жена, к примеру, кого-либо случайно кипятком из кастрюли ошпарит, ты же попросишь у пострадавшего за нее прощение... Или как?

Седой (*зевая, он уже хочет спать*). У моей жены с головой всё в порядке, и она не станет людей кипятком обли-

вать... (*Кладет голову на стол.*)

Шилов (*упрямо*). Ну, а если всё же обольет?

Седой (*заторможенно*). Брось... И почему за войну с финнами надо каяться? Это ж они ее спровоцировали, разве не так? Кусок территории хотели у нас урвать, а мы им не дали... Этот маршал все же что-то вынюхивал, я уверен... (*Зевнув, засыпает.*)

Шилов. Хороший ты мужик, Седой, но тупой, как забор в Бутово! С тобой ни под пули, ни на выборы... Вот из-за таких, как ты, свободу в нулевые и просрали!

Шилов тупо смотрит в одну точку. Монотонно гудит вентилятор.

Ремезов (*выходя из второй комнаты*). Вот всегда так... Сядут мужики водку пить: начнут сначала о бабах, а закончат о политике. Тьфу!

Конец первого действия

Действие второе

Утро следующего дня. Та же комната. Стол прибран, нет вчерашнего мусора. На столе – две бутылки с пивом и бутылка водки, стаканы, чашки для чая. Ремезов, Шилов и Седой сидят за столом, молча жуют хлеб, намазанный маслом. Анна приносит с кухни сковороду с глазуньей, раскладывает яичницу по тарелкам, потом разливает чай. Наконец, сделав всё это, присаживается к столу. Седой разливает пиво по стаканам.

Ремезов (Анне). Тебе пора.

Анна. В смысле?

Ремезов. Мама, наверное, заждалась.

Анна. Я, между прочим, нормальная дочь. Еще вечером позвонила маме и сказала, что останусь ночевать у подруги.

Ремезов. Родителей обманывать грешно!

Анна. Это не обман, это для ее же спокойствия... Если бы она знала, что я пойду к тебе, и о моих проблемах, с тобою связанных, она сошла бы с ума.

Ремезов (недовольно). Давай обойдемся без драм! Миллионы женщин во всем мире делают аборты, и, как видишь, человечество не стало меньше, а, наоборот, все прибавляет и прибавляет. Ничего с тобой не случится, если ты станешь одной из них. Мне надоело объяснять тебе элементарные вещи! Я не хочу быть отцом. Имею я на это право? Имею! Я и

так уже плачу алименты одной выдуре...

Шилов (*мрачно Седому*). Что он сказал, этот сутяга? Я не понял...

Седой. Он сказал, что наш самолет пошел на посадку, и через полчаса мы приземлимся в аэропорту города Берлина.

Шилов. Хорошая новость!

Анна (*Ремезову*). Давай раз и навсегда решим этот вопрос: я не стану избавляться от ребенка. А ты поступай, как знаешь. Я устала перед тобой унижаться. И если я сейчас уйду, то больше сюда не вернусь.

Шилов (*Седому*). Что она сказала?

Седой. Стюардесса сказала, что температура в Берлине плюс двадцать один градус, влажность воздуха семьдесят пять процентов, давление семьсот пятьдесят четыре ммэ...

Шилов. Отличная погода! Возьмем тачку на прокат, это лучше всего.

Седой. Как скажешь.

Шилов. Но сначала зайдем в берлинский зоопарк... Это моя заветная мечта! Медведи, горные козлы, павианы, будь они неладны!

Седой. Почему в зоопарк? Предполагаю, он ничем не лучше московского. Звери, такие же, как и везде.

Шилов. Не скажи! В местном зоопарке не просто звери – а немецкие звери. Понимаешь? Немецкие! Они законопослушные, в отличие от прочих! Обезьяны онанизмом прилюдно не занимаются, верблюд в лицо посетителям не плю-

ет! Так-то, брателло!

Ремезов (*Анне*). Поступай, как знаешь! (*С пафосом.*) Только помни, я буду переживать! Не спать по ночам, еще пить начну с горя...

Анна. Ты даже сейчас не можешь быть серьезным!

Ремезов. Я серьезен. Весьма! Только не понимаю, чего ты уперлась с этим ребенком?

Шилов (*Седому*). Что он сказал?

Седой. Ты что, глухой?.. Он сказал, что наш самолет, следовавший по маршруту «Хельсинки – Берлин», приземлился, и экипаж благодарит пассажиров за полет.

Шилов. Ну что ж, и экипажу спасибо!

Анна (*Ремезову*). Ладно, я пошла. Будь здоров!

Шилов (*Седому*). Что она сказала?

Седой. Она сказала, чтобы пассажиры, отправляясь на выход, не забывали свои вещи...

Шилов. Что-то у стюардессы грустный голос? И лицо невеселое. Ее, наверное, обидел командир экипажа... Хлыщ в фуражке с кокардой!

Ремезов (*Шилову*). Тебе-то что? Долетел, и радуйся!

Шилов (*Седому*). Давай, возьмем девчонку с собой? Втроем будет веселее.

Седой. Как скажешь.

Шилов (*Анне*). Тебя как звать-то, летунья?

Анна (*хмуро*). Я уже говорила: Анна!

Шилов. Значит, так, Анна, Анюта, Энн... Бери сумочку

и дуй за нами. Не пожалеешь! За те же бабки увидишь Париж! Сразу хочу тебя успокоить: мы на твои женские прелести покушаться не станем. Верно, Седой?

Седой. Верно.

Ремезов. Послушайте, вы, маргиналы! Сходите с ума сами, а мою девушку не троньте!

Седой. Ты же, вроде, сам от нее отказался?

Ремезов. Я не от нее отказался, а от того, что у нее в животе! А это разные вещи!

Шилов (*философски*). То, что у нее в животе, это ее часть, сокровенная часть ее самой, следовательно, ты отказался от нее!

Ремезов. Демагог! Нормальные люди, когда выпьют, становятся веселыми, шутят, поют... Ты же становишься дурным! Не забывай всё же, что вы оба находитесь на моей территории!

Шилов. Негостеприимный ты, командир экипажа! (*Анне*). Ну что, стюардесса, по имени Анна, едешь с нами?

Анна (*махнув рукой*). Еду!

Ремезов (*удрученно*). И это называется – друзья!

Раздается звонок в дверь. Ремезов нехотя поднимается, идет открывать. Возвращается с молодой возбужденной женщиной. Это Катрин.

Катрин (*увидев компанию*). Так ты не один? Жаль!

Ремезов. Не один. Я не успел тебе это объяснить, как ты сразу рванулась из прихожей в комнату! Зачем ты явилась?

Могла бы позвонить мне на мобильник.

Катрин. Мобильник у тебя чаще всего отключен или ты не отзываешься на мои звонки...

Ремезов *(без энтузиазма)*. Знакомьтесь, это Катрин, она же – Екатерина... Моя давняя подруга, можно сказать, почти сестра... *(Представляет присутствующих.)* Это Седой, это Шило, а это Анна...

Катрин *(подозрительно смотрит на Анну)*. Понятно... Вы уж извините, что помешала вашему раннему застолью...

Ремезов. Не мучайся, мы переживем.

Катрин *(решиительно)*. Мне надо с тобой поговорить.

Седой. Еще одна!

Ремезов. Говори, здесь все свои.

Катрин. Извини, это не для чужих ушей!

Шилов. Послушай, как там тебя? – Катрин? Не бери в голову! Нас здесь нет. Это – иллюзия, оптический обман. Голография! Мы в Берлине. Направляемся в данную минуту в местный зоопарк. И стюардесса с нами. Верно?

Анна. Да-да... в зоопарк.

Ремезов нервничает, ему не нравится решительный настрой Катрин. Он боится, что она скажет что-то лишнее. Но уйти в другую комнату и там с нею объясняться, он тоже не хочет.

Ремезов. Поговорим в другой раз?

Катрин. Нет, сейчас!

Ремезов. Хорошо, слушаю тебя...

Катрин (*мнется, недовольная присутствием посторонних, потом все же решается*). Мне срочно нужны деньги... Я залетела!

При реплике «Я залетела!» – в первую очередь Анна, потом и Седой с Шиловым устремляют взоры на Катрин.

Ремезов. Залетела? В каком смысле?

Катрин. В том самом! Я беременна. И мне нужны деньги на аборт. Срочно!

Ремезов (*хмуро*). А я-то здесь при чем?

Катрин. Вот это новость! Как в постель тащить, это пожалуйста, а как отвечать за случившееся – он ни при чем!

Анна. Бог ты мой! И я связалась с этим нечистоплотным типом. (*Шилкову.*) Мама была права, он ей сразу не понравился...

Ремезов (*Катрин*). Погоди-погоди! Мы виделись с тобою последний раз – дай бог памяти? – около двух месяцев назад... Как это может быть? Я насчет беременности...

Катрин. Может!

Ремезов. И ты всё это время молчала?

Катрин. Думала, что справлюсь сама... Но не получилось.

Анна (*Ремезову, иронически*). Значит, она – почти сестра?

Шилов. Не бери в голову, Ремез у нас специалист по кровосмешению!

Ремезов (*обращаясь к приятелям и Анне*). Мужики! Анна! Она врет! Я здесь ни при чем! Вот вам крест!

Катрин (*невозмутимо*). Не крестись, богохульник! Срок у меня – шесть недель! Тогда мы и виделись...

Шилов. Иной человек мечтает ребенка завести, и не получается. А Ремезовы плодятся, как кролики! Не удивлюсь, если сейчас сюда явится еще какая-нибудь беременная от него газель! Седой, хочу у тебя спросить: где твоя жена кастрировала кота?

Седой. Есть один знакомый ветеринар... А зачем тебе?

Шилов. Надо Ремеза кастрировать...

Седой (*не верит Катрин, желая помочь Ремезову*). Придется на время прервать нашу прогулку в берлинский зоопарк... (*Катрин.*) Значит, ты, дамочка, утверждаешь, что беременна? И виновник этого печального факта – он? (*Указывает на Ремезова.*)

Катрин. Да, он.

Седой. И срок у тебя – шесть недель. Он же утверждает, что вы виделись последний раз – два месяца назад. Нестыковка получается. (*Шевелит губами, подсчитывая.*) Срок-то должен быть восемь недель или около того!

Катрин. Слушай, математик! Я не к тебе пришла! И без тебя знаю, когда и от кого залетела!

Седой. Ладно-ладно, не горячись! Ты оказалась в нужное время в нужном месте. Я – гинеколог, и готов помочь тебе...

Шилов (*вполголоса Седому*). Чего ты несешь! Ты же стоматолог, к тому же бывший... Поп-расстрига!

Седой. Спокойно... (*Катрин*). Я готов осмотреть тебя и

подтвердить наличие беременности... Или опровергнуть, если таковой нет. Правда, имя автора произведения назвать не смогу. Шесть недель, говоришь?

Ремезов (*Катрин*). Доверься ему! Он – мастер в этом деле. Лучший на Рублевке и в ближнем зарубежье!

Седой деловито берет бутылку с водкой, поливает на свои руки над пустой сковородой, делая вид, что готовится к осмотру.

Седой (*деловым тоном*). Пройди в соседнюю комнату и разденься! Я сейчас приду и осматрю тебя.

Катрин (*возмущенно*). Вы что, обкурились здесь?! Еще не хватало, чтобы какой-то нетрезвый тип лез ко мне внутрь! (*Седому*.) Ты хоть можешь скальпель от столовой ложки отличить? (*Ремезову*.) Хорошие же у тебя друзья! (*Анне*.) Беги отсюда, девушка, пока не поздно! Пока эти упыри не сгрызли тебя с потрохами! И я уйду. Но сперва получу от этого типа бабки! За свои радости, конь-огонь, надо платить!

Шилов. Потрясающе! Одна хочет сохранить ребенка, другая – не хочет. Первая мечтает стать матерью, вторая – спешит освободиться от плода. Два полюса одной оси. Круг непримиримых противоречий! Попробуйте управлять таким обществом, где один лезет на крышу, чтобы полюбоваться закатным небом, а другой – бросается с этой крыши вниз. Один ест злаки, яблоки, огурцы... Другой требует мяса. И когда мяса нет, готов жрать дворовых собак или себе подобных, не желая изменять своим привычкам! Один во

имя общественного блага готов жертвовать собою и идти на плаху, другой, во имя того же, готов стать палачом и терзать первого. Примирить тех и других невозможно! Междоусобица, затеянная в родном отечестве в начале прошлого века, продолжается по сию пору. Можно примирить противников в старой Европе, к примеру в Германии, но не у нас... Скажите: что делать мне? Мне – обывателю? Я не хочу класть свою башку на плаху и не хочу быть палачом с целью избежать этой плахи. По этой причине в родных закоулках мне всегда не хватало воздуха... Самое мерзкое занятие на свете – лишать кого-либо жизни, выполняя обязанности палача, будь то по приговору суда или по собственной воле со скальпелем в руке, выскабливая из матки плод. Мне могут сказать: ты плоско мыслишь! – кому-то же надо делать эту малоприятную работу. Успокойтесь, господа, защитники разного рода экзекуций! Я не покушаюсь на ваше право творить хаос!.. Впрочем, все это – лишь пустая болтовня! (*Седому.*) Идем в зоопарк, законопослушные немецкие звери ждут нас. А эти двое разберутся сами, что к чему... (*Анне.*) Идем, летунья! Наш ждет славный мир, где есть еще место доброте и радостным мыслям... Седой, лови тачку!

Катрин (*Ремезову*). Что ты молчишь? Мы и дальше будем слушать пьяный бред про палачей и берлинский зоопарк? Или все-таки обсудим наши отношения...

Ремезов берет Катрин за локоть и уводит во вторую комнату, где они, беседуя вполголоса, садятся на видимую

в проеме двери тахту. Шилов, Седой и Анна усаживаются на стулья, с которых ранее встали. Звонит мобильный телефон. Все трое достают свои трубки. Звонок идет с мобильного Шилова.

Шилов. Да, слушаю... Какой еще, к черту, Эдик?! Нет здесь никакого Эдика! Набирай, брателло, правильно номер... *(Отключает телефон.)*

Седой (Анне). Тебе нравится Берлин?

Анна пожимает плечами.

Шилов *(кивком головы указывает в сторону кулисы).* Видишь, это Курфюрстердамм. В переулке налево есть небольшой отель, который держит мой приятель Рафаил Горбань, там мы может остановиться. Он приехал сюда в девяностые. Сообразил, что в родных пенатах каши не сварить: то кастрюля дырявая, то газ отключили! Вот он, кажется, этот отель... *(В пространство – невидимому шоферу.)* Шеф, остановись. Стоп ит!

Из левой кулисы появляется старик несколько странного вида, благородной внешности, с одутловатым бритым лицом. На нем потертая длинная куртка, явно старинного образца (больше похожая на камзол, взятый в костюмерной). Из-под нее выглядывает шейный платок из шелка, весьма несвежий на вид, скрепленный в центре булавкой с прозрачным камнем и закрывающий шею. Взгляд его, если не безумен, то, во всяком случае, весьма близок к этому. В руках он держит толстую пачку пожелтевших от времени исписан-

ных чернилами листов, перевязанную тонким обтрепанным шнуром. Старик оглядывается по сторонам и что-то бормочет. Это Иоганн Вольфганг. Шилов и Седой, увидев его, направляются к нему.

Шилов (старик). Фатер, плиз! Есть разговор!

Иоганн Вольфганг (возбужденно). О, мне вас послала судьба, любезные господа!

Шилов. Папаша, и ты говоришь по-русски? Ты же немец, верно?

Иоганн Вольфганг. Немец... Просто в нынешних обстоятельствах я говорю на разных языках...

Седой. И на китайском?

Иоганн Вольфганг. И на китайском.

Седой. Одуреть можно! Мне бы так.

Иоганн Вольфганг. В свое время вы последуете туда, где нахожусь я, и тоже будете говорить на разных языках.

Седой. Зачем же мне следовать туда, где вы? Я лучше последую за Шиловым...

Иоганн Вольфганг (стыдливо). Господа! Деликатная просьба. Мне необходима некоторая денежная сумма... Нет-нет, я не прошу у вас милостыню! Но вы могли бы помочь мне, если бы купили у меня вот эту рукопись... Это – оригинал, вещь исключительная! Авторский экземпляр!

Анна (сочувственно). Дайте ему денег, не скупитесь. Возможно, этот человек сегодня еще не ел...

Шилов (не глядя на рукопись). И сколько ты хочешь за

этот бумажный хлам? *(Шилов сегодня добр и готов поделиться со стариком частью своих денег.)*

Иоганн Вольфганг *(с достоинством)*. Господа, вы пользуетесь тем, что я не молод и не могу дать вам достойный ответ. *(Возбужденно.)* Это не хлам! Это трагедия, на сочинение которой я потратил долгие тридцать лет своей жизни...

Шилов *(разочарованно)*. Трагедия? Так ты графоман? *(Указывает пальцем на рукопись.)* И потратил тридцать лет вот на это? А тебе не хотелось, папаша, сделать что-нибудь более полезное? Посадить дерево, крышу покрасить... Изобрести аэроплан... Я когда-то занимался живописью, писал натюрморты, пейзажи, но потом бросил, потому что это тоже бесполезное занятие...

Иоганн Вольфганг. Послушайте, друг мой! Меня огорчают ваши слова и, простите, ваши манеры!

Шилов. Папаша! Не будем о манерах. Предки мои были крепостными графа Шереметева, не умели ни читать, ни писать. Размножались в сараях. Дед ездил машинистом на паровозе. Между рейсами пил водку и слушал радио: «Широка страна моя родная!...» Мать работала медсестрой, отца не знаю... Так что, извини, старче, ты не по адресу! И потом, тебе нужны бабки или мои манеры?

Иоганн Вольфганг. Что такое «бабки»?

Седой. Бабки – это деньги... Они же – бабло! Разрешите взглянуть, уважаемый, на то, чем вы торгуете? *(Берет у Гёте рукопись, читает, с трудом разбирая немецкое название*

рукописи.) Иоганн Вольфганг Гёте... «Фауст»... Папаша, вы хотите сказать, что это написали вы?

Иоганн Вольфганг *(с достоинством)*. Да, я...

Шилов *(удивленно)*. Что еще за «Фауст»?

Седой *(Шилову)*. Вероятно, тот самый... *(Иоганну Вольфгангу.)* Значит, вы – он? А это – ваша оригинальная рукопись?

Иоганн Вольфганг. Да, моя рукопись.

Седой. Итак, господа присяжные! Неожиданности продолжаются. *(Шилову вполголоса.)* По-моему, этот дед сбежал из психушки...

Шилов. И сколько же ты хочешь, папаша, за эту пачку макулатуры?

Иоганн Вольфганг. Затрудняюсь сказать. Я привык считать в гульденах и талерах, а здесь какие-то... иные деньги. Видимо, для моих здешних нужд потребуется семьсот местных денежных единиц.

Шилов. Семьсот евро? Неплохо! *(Анне.)* По-моему, у деда юношеский аппетит! *(Гёте.)* Старче, у меня всего полторы тысяч евро... У Седого, конечно, тоже кое-что в чулке найдется. Но нам еще пилить и пилить до Парижа!

Седой. Я в шоке! Здесь каждый второй – артист, и нас держит за лохов. Конечно, весь мир театр, но не до такой же степени! Вчера один предлагал показать могилу Гамлета, другой представился маршалом, третий сегодня изображает автора «Фауста»! Шило, мы разве похожи на клинических

идиотов?

Шилов. Вероятно.

Седой. Предлагаю дать старику на гамбургер за актерское мастерство, и пусть шагает на все четыре стороны!

Иоганн Вольфганг. Милейшие господа! Я не артист... Смею вас уверить, что вы держите в руках оригинал трагедии «Фауст». Любой квалифицированный эксперт подтвердит вам его подлинность. И то, что я прошу за рукопись – весьма небольшая цена.

Анна (Шилову). Он прав, рукопись «Фауста» – вещь бесценная.

Шилов. А ты откуда знаешь, стюардесса? Ты что, читала «Фауста»?

Седой (скептически). Она смотрела оперу... Или фильм.

Анна. Нет, я читала книгу...

Седой. Удивительно! Ваше поколение не любит читать. Гаджеты и планшеты застыт вам свет в окошке!

Шилов. Скажи, папаша... Зачем тебе такие бабки... то есть деньги? В том мире, где ты нынче пребываешь, особой нужды в бабках нет.

Иоганн Вольфганг. Я приехал в Берлин из Веймара по делу. Направляясь в эту часть города, я увидел на бульваре двух молодых особ. По виду эти девушки – из мещанского сословия. Они сидели на скамейке и что-то ели, таская еду зубами из бумажных пакетов. Одна при этом ковырялась пальцем в ухе. Вид у обеих был неухоженный, темные круги

вокруг глаз, мятая одежда. Я понял, этим девушкам плохо, и они нуждаются в помощи. Я почувствовал жалость к этим двум несчастным созданиям. Тогда я остановился и спросил: «Милые фройляйн! Могу ли я чем-либо вам помочь?» Они неприязненно взглянули на меня, и как-то странно ответили...

Седой. И что же они вам сказали, эти милые фройляйн?

Иоганн Вольфганг. Они сказали: «Пошел в жопу, старик! Тебе тут не обломится! Чухай, куда чухал!» (*Услышав это, Анна болезненно морщится.*) Согласитесь, это странные слова. И я долго думал над тем, что они значат.

Седой (*усмехнувшись*). Это жаргон, папаша, жаргон... А эти фройляйн – обыкновенные потаскушки!

Шилов (*Иоганну Вольфгангу*). Старче, твоя эстетическая неразвитость умиляет. Ты мне нравишься, всё больше и больше! (*Седому.*) Уверен, это не артист. Надо помочь старому графоману.

Анна (*горячо*). Он не графоман! Я думаю, он действительно тот, за кого себя выдает... Я видела его портрет в книжке про страдания юного Вертера. Это он!

Шилов. Бог ты мой, летунья! Ты, оказывается, энциклопедистка? Нам такие кадры нужны! А то от твоих тупых ровесников с ума можно сойти! Тут недавно одного спрашиваю: кто написал повести Белкина? Он мне отвечает: Белкин! И глаз такой светлый-светлый!

Седой (*Иоганну Вольфгангу*). Что же было дальше? С ми-

лыми фройляйн?

Иоганн Вольфганг. Дальше... Я сказал, что мне от них ничего не нужно. И вновь выразил желание помочь им. Мы разговорились. Выяснилось, что эти две молодые особы родом из далекого русского городка, два года назад приехали в Европу... Обе бежали из Польши из дома терпимости, в котором их насильно удерживали какие-то люди, то ли поляки, то ли румыны, то ли и те, и другие вместе, заманив их туда ранее с помощью обмана. Их били, издевались над ними... Им удалось добраться до Берлина, но вот «ба-бок»... вернуться в Россию у них нет. Злоумышленники ищут их повсюду, и они боятся вновь оказаться там, откуда сбежали. Я сказал этим несчастным фройляйн, что в силу своего нынешнего положения не имею гульденов, но могу продать рукопись, имеющуюся у меня, чтобы помочь им... Они ждут меня в маленькой сосисочной на соседней улице...

Шилов. Бла-а-родно! Ты, папаша, подлинный гуманист! Может, и вправду, ты тот, за кого себя выдаешь...

Анна (*Шилову и Седому*). Неужели вы откажетесь помочь этому человеку? Ну, что вам стоит? От этого зависит судьба двух несчастных девушек. А мы, в свою очередь, станем обладателями бесценной рукописи.

Седой. Чужими бабками швыряться легко... Пойми, мы сами в стесненном положении. И потом, есть в этой душещипательной истории какой-то сомнительный душок! Что-то сусально-лживое!

Шилов. Папаша, мне твои намерения понятны. Но вот эти продажные телки...

Иоганн Вольфганг. Кто?

Шилов. Пардон! Эти фройляйн... А вдруг они хотят использовать тебя, гуманного старичка? Видят, лох с пачкой макулатуры, давай, думают, потрясем его, как грушу!

Иоганн Вольфганг. Нет-нет, милейший! Эти девушки настрадались, жаждут вернуться домой. У каждой дома остался ребенок... Одному – три года, другому – четыре... Одна фройляйн даже расплакалась, вспомнив о своем дитя.

Анна (*Седому и Шилову*). Послушайте, мужчины! Давайте купим рукопись. И несчастным девушкам поможем, и приобретение хорошее сделаем... (*Копается у себя в сумочке.*) Вот у меня с собой три тысячи рублей и сто долларов, кладу их в общий котел. Когда вернемся домой, я смогу дать еще немного.

Седой (*листая рукопись*). Тут всё по-немецки, я ни черта не понимаю!.. Может быть, это и «Фауст», а может, какая-нибудь устаревшая фигня по домоводству! Типа, как стричь клумбы или готовить пирог с яблоками.

Свет гаснет, и остается освещенной только часть второй комнаты, где на тахте сидят и темпераментно объясняются Ремезов и Катрин.

Ремезов (*возбужденно*). Не понимаю, зачем тебе столько бабок? У нас что, цены на аборт растут как на коммунальные услуги?

Катрин. Я хочу потом поехать на юг Франции – отдохнуть. После всех-то мучений.

Ремезов. Вот блин! А на Марс у тебя нет желания слетать? Могу посодействовать! Мой родственник работает в космическом ведомстве, я поговорю с ним, и тебя по благу доставят туда в лучшем виде. А там – тишина, покой, ни одной живой души, чем не отдых?

Катрин (*невозмутимо*). Нет, только юг Франции...

Ремезов. Полчаса на операционном столе, и за это – юг Франции! Не жирно ли?

Катрин. Обмельчали мужики в России... Где вы, благородные дворяне, ау! Тебе не понять, что такое для женщины сделать аборт. Между прочим, это большой грех! И я по твоей милости должна буду совершить его.

Ремезов (*неожиданно*). Так не грехи, детка, оставь ребенка!

Катрин. Ах, ты, мой герой! А кто его содержать будет? Ты? Я готова родить и отдать его тебе, но ты же на другой день сдашь его в приют, подлец! Да еще распишешь в своей желтой газете: «Посмотрите на эту женщину, она бросила ребенка! Слезы душат при виде этого малыша!...» Трепаться можно долго, но пойми одно: я не могу тянуть с этим делом. Еще немного, и будет поздно.

Ремезов (*копается в тумбочке, вынимает деньги*). На! Ты меня достала! Это всё, что есть! Знал бы, что так получится, уехал бы на год в командировку! В Пермь! В Сыз-

рань! В Нарьян-Мар! Где живут милые бескорыстные девушки! Которым ничего не нужно, кроме чистой любви и рюмки самогона!

Катрин (*пересчитывая деньги*). Сколько здесь? Сорок тысяч? Этого недостаточно. Нужно еще столько же.

Ремезов (*подпрыгнув на тахте*). Десять минут назад ты говорила о сорока! А теперь хочешь вдвое больше?

Катрин. Я подумала и решила: так будет справедливо! Я страдаю на операционном столе, ты платишь за это деньги...

Ремезов. Два дня назад я получил отпускные. От них уже ничего осталась. Займи у кого-нибудь, я потом отдам.

Катрин. Э, нет! Я подожду до завтра. Или ты найдешь деньги, или твоя мамочка узнает, какой мерзавец – ее сынок! А с ее-то больным сердцем...

Ремезов. Это не бла-а-родно! Я бы даже сказал, весьма!

Катрин. О благородстве расскажи девицам, которые по твоей милости ложились на операционный стол.

Ремезов. Что ты из меня монстра всяя Руси делаешь? Не переоценивай мои мужские возможности. (*С пафосом*.) Я часто бываю бессилен!.. И вообще я однолюб! Вон видишь Анну? Это моя, можно сказать, невеста...

Катрин. Вот именно – «можно сказать»...

Во второй комнате гаснет свет. И снова освещается основная часть сцены, где находятся Анна, Шилов, Седой и Иоганн Вольфганг. Шилов вынимает из кармана деньги, отсчитывает несколько купюр, протягивает Иоганну Вольф-

гангу.

Шилов. Извини, папаша, больше не могу. У меня на содержании эти двое... (*Указывает на Анну и Седова.*) Мой долг вернуть их обратно в родные пенаты. А это расходы – еда, гостиница, проезд!

Иоганн Вольфганг. Спасибо, милейший друг мой! У вас доброе сердце!

Седой (*язвительно*). Просто он выпил немало водки...

Шилов (*Седому*). А ты, «гинеколог», чего жмешься? Брось чего-нибудь в общий котел. Или жена оставляет тебе только мелочь на сигареты?

Седой (*не реагируя на замечание Шилова*). «Несчастливых фройляйн», про которых говорит маэстро, я не видел, судить не берусь, но отдавать такие бабки за пачку макулатуры... (*Кивает на рукопись.*) глупо! Что ты станешь с нею делать? Перепродашь коллекционерам? Сомневаюсь, что ее кто-либо купит!

Шилов. Я верю старику! Даже если эти потаскухи лгут, желая его одурачить, он-то не лжет! Он хочет изменить их горестное положение. (*Лезет в карман, вынимает еще пару мелких купюр, протягивает Иоганну Вольфгангу.*) Возьми, папаша! (*Кивает на Седого.*) Это за него. Наш Скупой рыцарь сегодня не в форме!

Анна (*Шилову*). Извини, я о тебе плохо думала...

Шилов. И продолжай это делать! Я – человек низменных желаний!

Иоганн Вольфганг. Спасибо, мой друг. В былые времена я попросил бы герцога Карла Августа наградить вас орде-
ном.

Шилов (*польщен*). Да что уж! Разве в наградах дело?

Иоганн Вольфганг протягивает рукопись Шилову. Тот передает ее Анне.

Иоганн Вольфганг. Берегите эту рукопись. Она приносит счастье... (*После паузы.*) Или несчастье... если с нею небрежно обращаться. Возможно, она когда-нибудь вернется ко мне. Дай-то Бог!

Шилов. Так возьми ее обратно, папаша!

Иоганн Вольфганг. Нет-нет... Тогда будет считаться, что я выпросил у вас эти деньги, точно нищий! А для человека моего звания – это вещь невозможная. Я дворянин. Человек с принципами. И не могу просить деньги, подобно нищему!

Шилов. Как знаешь, папаша...

Иоганн Вольфганг (*заторопился*). Я должен идти. Несчастные фройляйн ждут меня в сосисочной... Берегите рукопись!

Седой. Папаша! Если ты – это он... последний вопрос, перед тем как ты уйдешь... Насколько я могу понять: сочиняя эту трагедию, ты, вероятно, хотел, чтобы мир изменился к лучшему, ведь так? Иначе, зачем сочинять подобную тягомотину, толщиной в пять пальцев?

Иоганн Вольфганг. Что такое «тягомотина»? Опять

жаргон?

Седой. Ну, скажем, тягомотина – это многосерийный сериал определенных художественных достоинств... Хотя вряд ли ты что-либо знаешь про сериалы. Иногда их невозможно смотреть, но в этом есть определенная польза.

Шилов. Седой, где ты поднабрался таких мудреных мыслей? Ведь ты же все годы институтской учебы пробегал в спортзале с баскетбольным мячом.

Седой. Оставь! *(Снова обращается к Иоганну Вольфгангу.)* Итак, вопрос: ну и как? Мир изменился к лучшему?

Иоганн Вольфганг *(нервничает, ему надо уходить).* Жаль, нету времени – поговорить на эту тему обстоятельно. Но если кратко: да, мир изменился, причем весьма... Человек, следует признать, стал как-то низменнее. Мельче. Свидетельством тому – некоторые события и картины, увиденные мною в нынешней реальности. Но это тема для отдельного разговора в иное время и в досужий час.

Седой *(недоуменно).* Зачем тогда прогресс? И фигли-мигли? Айпеды? Спутники? Коллайдеры и прочее?

Иоганн Вольфганг. Простите, я должен уходить! Берегите рукопись! *(Презреде чем уйти, скорбно оглядывает всех.)* Боюсь, несчастья вам не избежать! *(Исчезает в темноте.)*

Седой *(тыкает пальцем в рукопись, которую держит Анна).* Признаюсь честно, в свое время я не смог дочитать эту многостраничную проповедь до конца. Когда всё смеша-

лось в кучу – кони, люди, хор ангелов, лемуры, палачи и прочие ужасы! – меня охватила тоска... Всё же следует проверить у специалистов эту писанину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.